

## ФОРМИРОВАНИЕ И СОСТАВ МОСКОВСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

*И. Ф. Угаров*

В советской исторической литературе проблема формирования московского пролетариата освещена в основном применительно к первым двум десятилетиям пореформенного периода. В работах по этой проблематике использованы главным образом подворные переписи Московской губернской управы 1869—1871 и 1883 годов<sup>1</sup>. Причем обобщающих материалов по всей губернии имеется недостаточно, и авторы вынуждены выяснять процесс формирования промышленных рабочих методом моделирования по волостным и уездным данным. То же наблюдается и в обобщающих работах по проблеме формирования промышленного пролетариата России в целом. Как правило, в этих работах исследуются подворные переписи Московской губернии за те же годы или другие источники, в которых также делается упор преимущественно на первые пореформенные десятилетия<sup>2</sup>. На материалах переписей населения Москвы в 70—90-х годах XIX в. основано исследование А. С. Нифонтова<sup>3</sup>.

В обобщающих трудах по истории экономики и рабочего класса России затрагиваются лишь отдельные аспекты данной проблемы, и это не дает представления о промышленности и пролетариате Москвы и Московской губернии за рассматриваемый период в целом<sup>4</sup>. Ценные сведения содержатся в предпринятых в 30-х годах изданиях по истории фабрик и заводов, но они касаются отдельных предприятий и также не могут дать общей картины<sup>5</sup>. Серьезная характеристика промышленно-

---

<sup>1</sup> Б. Н. Васильев. Социальная характеристика фабричных рабочих. «Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861—1917». М. 1966; В. И. Ромашова. Образование постоянных кадров рабочих в пореформенной промышленности Москвы. Там же; М. К. Рожкова. Формирование кадров промышленных рабочих в 60-х—начале 80-х годов XIX в. М. 1974, и др.

<sup>2</sup> См. А. М. Панкратова. Пролетаризация крестьянства и ее роль в формировании промышленного пролетариата России (60—90-е годы XIX в.). «Исторические записки». Т. 54. 1955; Л. М. Иванов. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России. «Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861—1917».

<sup>3</sup> А. С. Нифонтов. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. «Исторические записки». Т. 54. 1955.

<sup>4</sup> К. А. Пажитнов. Положение рабочего класса в России. Т. 2. Изд. 3-е. Л. 1924; его же. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, шелковая, льнопеньковая промышленность. М. 1958; М. Балабанов. Очерки истории рабочего класса в России. Ч. III. Капиталистическая Россия (80-е годы — канун 1905 г.). М. 1926; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. II. М. 1948; А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. Изд. 2-е. М. 1958, и др.

<sup>5</sup> М. К. Рожкова. Рабочие Трехгорной мануфактуры во второй половине XIX в. «История пролетариата СССР». Сб. I. М. 1930; «История заводов». Сборник. Вып. I, 3. М. 1932; М. Я. Пролетарский. Завод «Красный богатырь» (1887—1932 гг.). М.-Л. 1933; «Фабрика книги «Красный пролетарий». История типографии

сти и пролетариата Москвы содержится в IV и V томах «Истории Москвы»<sup>6</sup>. Однако в этом фундаментальном труде не рассматриваются данные по Московской губернии, поскольку перед создателями книги эта задача не стояла.

Другое немаловажное обстоятельство, требующее исследования проблемы,— необходимость осветить объективные условия рабочего движения в Москве и Московской губернии и деятельности Московской городской и окружной организаций РСДРП. В существующей литературе по истории Московской партийной организации и рабочего движения, как правило, дается весьма поверхностный анализ промышленности и положения пролетариата Москвы и Московской губернии или такой анализ отсутствует вовсе. Между тем без уяснения особенностей формирования и состава московского пролетариата трудно разобраться в характере рабочего движения и в специфике деятельности революционной социал-демократии по руководству классово-борьбой московского пролетариата.

Процесс складывания промышленности в центре Российского государства, вокруг его древней столицы Москвы, большая численность пролетариата и огромная степень его концентрации на крупных и крупнейших предприятиях обусловили его историческую роль в борьбе за социальное освобождение. Цель статьи — охарактеризовать процесс формирования московского пролетариата, его социальный состав и отраслевую структуру накануне первой русской революции и тем самым выявить объективные предпосылки развития рабочего движения и руководства им со стороны Московской партийной организации в начавшейся в 1905 г. буржуазно-демократической революции.

Реформа 1861 г. создала благоприятные условия для развития капитализма в России и ускорила начавшийся накануне ее промышленный переворот. «С 1861 г. в России,— писал в 1892 г. Ф. Энгельс,— начинается развитие современной промышленности в масштабе, достойном великого народа»<sup>7</sup>. Позже В. И. Ленин отмечал, что «после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»<sup>8</sup>. Исторически в России еще до реформы сложились промышленные районы: в центре страны вокруг Москвы, на Урале, на северо-западе с центром в Петербурге, в Прибалтийском крае. Самым старым и значительным являлся Московский промышленный район.

В 1868 г. только в Московской и Владимирской губерниях было сосредоточено около половины всех фабрично-заводских рабочих и всей суммы производства промышленной продукции на фабриках и заводах Европейской России<sup>9</sup>. С 1879 по 1900 г. численность фабрично-заводских рабочих в Москве выросла с 65 тыс. до 121 тыс. человек (почти вдвое), в Московской губернии (включая Москву) — со 157 тыс. до 274 тыс. человек, или на 57,4%<sup>10</sup>. Бурный рост фабрично-заводской промышленно-

бывш. т-ва И. Н. Кушнерева и К<sup>о</sup>». М. 1932; «История заводов». Сборник. М. 1933; «16 заводов. Главы из истории». М. 1933; «История Московского инструментального завода». М. 1934; С. И. Аристов. Серпуховские текстильщики (исторический очерк). М.-Л. 1940; А. М. Панфилова. История завода «Красный богатырь» (1887—1925 гг.). М. 1958; В. Кураханов. Первая ситценабивная (из истории московской фабрики бывш. мануфактуры Э. Цинделя). М. 1962; «История завода «Динамо» в 3-х книгах». М. 1964; Г. П. Ефремов. История Коломенского завода. М. 1973, и др.

<sup>6</sup> См. «История Москвы». Т. IV. Период промышленного капитализма. М. 1954; Т. V. Период империализма и буржуазно-демократических революций. М. 1955.

<sup>7</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 38, стр. 264.

<sup>8</sup> В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 174.

<sup>9</sup> См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 460.

<sup>10</sup> Подсчитано за 1879 г. по: П. А. Орлов. Указатель фабрик и заводов Европейской России с царством Польским и великим княжеством Финляндским. СПб. 1881; за 1900 г. по: «Список фабрик и заводов Европейской России». СПб. 1903.

сти наблюдается в 90-х годах XIX века. Москва и Московская губерния в этот период играли важную роль в экономике Европейской России: в 1895 г. в Московской губернии (вместе с Москвой) был сосредоточен 21% всего пролетариата и производства Европейской России<sup>11</sup>. В Московской губернии вместе с Москвой до реформы возникло 259 промышленных предприятий — 18,7% всех предприятий, имевшихся там в 1900 году. За десятилетие с 1891 по 1900 г. было основано 403 промышленных предприятия, что в 1,5 раза превышало их дореформенную численность и составляло треть всех промышленных предприятий губернии. Возникшие здесь за указанное десятилетие фабрики и заводы составляли 7,1% всего числа появившихся в то время промышленных предприятий Европейской России<sup>12</sup>.

Таким образом, Москва являлась не просто губернским центром и «первопрестольной» столицей Российской империи. С развитием капитализма в пореформенный период упрочилось ее положение как средоточия торгово-промышленной деятельности. Москва стала самым крупным в России узлом железнодорожного сообщения с отдаленными окраинами громадного государства. К ней стягивались со всех сторон в радиальном направлении 10 железнодорожных линий, по которым проходил огромный поток грузов. В начале XX в. торговый оборот Москвы превышал в стоимостном выражении сумму годового производства промышленной продукции и составлял свыше миллиарда рублей против 300 млн. руб. годового производства промышленности Москвы<sup>13</sup>.

Как же происходил процесс формирования пролетариата в самом крупном промышленном центре России, каким являлись Москва и Московская губерния? Попытаемся проследить этот процесс на основании таких источников, как первая Всероссийская перепись населения 1897 г. и перепись г. Москвы, проведенная в январе 1902 года. Эти источники ценны не только сравнительной полнотой приводимых сведений по интересующей нас проблеме, но и фиксируют процесс формирования пролетариата на сравнительно позднем этапе капиталистического развития России, что очень важно для понимания объективных факторов рабочего движения в ходе революции 1905—1907 годов.

По переписи 1897 г. население Московской губернии составляло 2 430 581 чел., в том числе в Москве — 1 038 591 человек. Вместе с пригородами население Москвы составляло 1 098 645 человек. Всего в городах губернии проживало 1 134 382 человека, или 46,7% всего населения. На Москву приходилось 42,7% населения губернии и 90,7% ее городского населения (с пригородами соответственно: 45,2% и 97%)<sup>14</sup>. В городах преобладало мужское население: на 100 мужчин здесь было 76,5 женщины. И, наоборот, в сельской местности наблюдалось преобладание женского населения: на 100 мужчин приходилось 124,8 женщины<sup>15</sup>. Это было следствием того, что сельское население губернии в значительной мере было занято в промышленном производстве в городах. «Население уездов Московской губернии,— говорилось в политическом обзоре Московской губернии за 1902 г.,— находящееся в центре фабрично-заводской промышленности и притом близ такого крупного города, как Москва, с более 1 000 000 чел. жителей, смотрит на коренное свое занятие — хле-

<sup>11</sup> Подсчет произведен путем сравнения общего числа рабочих и общего итога годового производства Московской губернии и Европейской России. Итоговые данные о числе рабочих и сумме годового производства см. В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 16.

<sup>12</sup> См. А. В. Погожев. Учет численности и состава рабочих в России. СПб. 1906, стр. 75.

<sup>13</sup> См. И. Ф. Горностаев. Фабрики и заводы г. Москвы и ее пригородов. Ч. II. М. 1904, стр. 3.

<sup>14</sup> См. «Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г.» XXIV. Московская губерния. Изд. ЦСК МВД. 1905, стр. 1.

<sup>15</sup> Там же, стр. XII.



бopашество в большинстве случаев лишь как на подспорье, а не основной труд, долженствующий обеспечить его благосостояние от урожая до урожая. Главным заработком населения служат отхожие промыслы: на фабриках и заводах, а в столице — извоз, занятия по найму и т. п. Таким образом, остающиеся в деревнях члены семьи, хотя и занимаются землей, но весьма поверхностно, не придавая этому труду существенного значения... Способные же к более продуктивному труду на фабриках, заводах или в гор. Москве, отсутствуют из деревни, возвращаясь в последние лишь на летние 1—2 месяца для уборки трав и хлебов»<sup>16</sup>.

Преобладание мужского населения в городах губернии, преимущественно в самой Москве, объяснялось не в последнюю очередь также наличием большого числа пришлых на заработки из других губерний. По переписи 1897 г., в городах Московской губернии 52% мужчин составляли уроженцы других губерний<sup>17</sup>. Наплыв пришлых в города резко изменял соотношение полов. Так, естественное соотношение их наблюдалось лишь в возрасте до 10 лет: на 100 мальчиков приходилось 101,3 девочки. Что касается мужчин трудового возраста, то они явно преобладали: на 100 человек мужского пола в возрасте от 10 до 19 лет приходилось 61,6 лица женского пола; в возрасте от 20 до 29 лет — соответственно 59,3 женщины; от 30 до 39 лет — 71,1 женщины и от 40 до 49 лет — 80 женщин. С 50-летнего возраста наблюдается преобладание численности женского населения над мужским. В целом мужчины рабочего возраста от 20 до 60 лет в городах Московской губернии вместе с Москвой составляли 64,4%, без Москвы — 58,1% всех жителей этого возраста<sup>18</sup>.

О социальном аспекте отходничества свидетельствуют данные переписи 1897 г. о сословном составе городского населения Московской губернии: около 63% городского населения (вместе с Москвой) составляли крестьяне и только немногим более 23% — мещане<sup>19</sup>. Представление как о социальном составе всего населения, так в известной мере и пролетариата, дают следующие данные об источниках существования населения губернии (вместе с Москвой)<sup>20</sup>.

Занятия по источникам существования	Численность населения (вместе с членами семей)	
	в абсолютн. выражен.	в %
Промышленность (добывающ. и обрабатывающ.)	856 273	35,2
Сельское хозяйство . . . . .	677 858	27,9
Служба у частных лиц, в т. ч. прислуга . . . . .	242 551	10,0
Торговля . . . . .	166 003	6,8
Извозный промысел . . . . .	57 766	2,4
Юристы, учителя, врачи и т. п. . . . .	40 276	1,7
Госуд., общественная и сословная служба . . . . .	35 032	1,4
Служба в вооруженных силах . . . . .	30 338	1,2
Прочие занятия . . . . .	324 484	13,4
Итого	2 430 581	100,0

Из таблицы следует, что более чем для трети населения Московской губернии источником существования было промышленное производство. В действительности доля людей, основным источником существования

<sup>16</sup> ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е дел-во, 1903 г., д. I, ч. 52, литер «А», л. 2 и об.

<sup>17</sup> «Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г.», стр. XXVII.

<sup>18</sup> Там же, стр. XII, XVI, XVII.

<sup>19</sup> Там же, стр. XIX.

<sup>20</sup> Там же, стр. XXXIII.

которых являлось промышленное производство, была выше. Достаточно отметить, что из 677 858 человек, связанных с сельским хозяйством, 118 279 человек (17,4%) имели побочные доходы от промыслов, то есть главным образом от занятия в промышленном производстве<sup>21</sup>. Следовательно, процент населения, источником существования которого было только сельское хозяйство, падает с 27,9 до 23,0%, составляя менее четверти всего населения губернии, а процент населения, источником существования которого было полностью или частично промышленное производство, возрастает с 35,2% до 40,1%. Этот фактор подчеркивался еще в политическом обзоре за 1892 г., где говорилось, что «источником к существованию народонаселения Московской губернии служит не столько хлебопашество, как главным образом отхожий промысел и заработок на фабриках и заводах»<sup>22</sup>.

Пролетариат Москвы формировался из крестьян окружающих губерний и уездов Московской губернии, а также за счет семей самих рабочих<sup>23</sup>. На заработки шел мужчина. Семья его оставалась в деревне: жена с детьми и старики родители. Как и в других городах, в Москве в еще большей степени это создавало протivoестественное соотношение полов. Так, по переписи 1897 г., соотношение полов населения Европейской России, мужчин и женщин, составляло 1 : 1,03, в Москве же мужчин было больше на 33%, или в абсолютном выражении — на 145 113 человек<sup>24</sup>. В Московской губернии в наибольшем числе проживали уроженцы губерний: Тульской — 116,5 тыс., Рязанской — 111,2 тыс., Калужской — 85,9 тыс., Владимирской — 61,2 тыс., Смоленской — 60,8 тыс., Тверской — 58 тыс. и других. Всего переписью зарегистрировано уроженцев других губерний 687,9 тыс. человек, что составляло 28,4% населения Московской губернии. В городах насчитывалось уроженцев других губерний 558,5 тыс. человек<sup>25</sup>, или почти половина всего городского населения губернии — 49,2%. В Москве лишь 26,2% населения являлись ее уроженцами, 22,5% — родились в уездах Московской губернии, 50,5% были уроженцами других губерний, 0,8% — других государств<sup>26</sup>. Следовательно, половину всего населения Москвы составляли уроженцы других губерний, а вместе с уроженцами Московской губернии население Москвы на три четверти являлось пришлым. Первое место среди пришлых занимали уроженцы Тульской губ. — 89,6 тыс., затем Рязанской (79,8 тыс.), Калужской (68,3 тыс.), Смоленской (49,8 тыс.), Тверской (44,2 тыс.), Владимирской (38 тыс.) и т. д.<sup>27</sup>.

В данных переписи имеются сведения о сословном происхождении и о распределении жителей Москвы по занятиям. К крестьянскому сословию по переписи было отнесено 661 623 жителя (63,7%), к мещанам — 228 269 (22%). К остальным отнесены дворяне, духовенство, купцы и другие сословия. Следовательно, более 85% населения Москвы по сословному происхождению состояло из крестьян и мещан<sup>28</sup>. Однако не все они были связаны с промышленным производством. Некоторое уточнение в этом плане дают сведения переписи о распределении населения

<sup>21</sup> Там же, стр. XXXVI.

<sup>22</sup> ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е дел-во, 1893 г., д. 152, ч. 35, л. 2 об.

<sup>23</sup> К сожалению, изученные нами источники почти не дают конкретного материала о формировании пролетариата за счет семей рабочих.

<sup>24</sup> «Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г.», стр. 1.

<sup>25</sup> Там же, стр. 49, 54, 57.

<sup>26</sup> Там же, стр. 2, 3, 42. Процент исчислен автором.

<sup>27</sup> Там же, стр. 46—47.

<sup>28</sup> Там же, стр. 2—3. Сословная принадлежность человека не выражает полностью его социального положения. В России официально отсутствовала такая социальная категория, как «рабочий». Все рабочие, пришедшие когда-то в город с паспортом крестьянина, оставались по сословной принадлежности крестьянами, хотя они и порвали всякую связь с землей, с деревней и источником их существования являлась работа на промышленных предприятиях.

по группам занятий. Промышленных, строительных и ремесленных рабочих в Москве в 1897 г. перепись зафиксировала 284 704 человека и 117 133 членов их семей<sup>29</sup>. Таким образом, рабочие и ремесленники составляли 27,4%, а вместе с членами семей — 38,7% населения Москвы. Почти все они были выходцами из крестьян и мещан. Другая часть пришлых крестьян была занята в извозном промысле, торговле, в сфере обслуживания и т. п.

Более конкретные сведения о формировании пролетариата г. Москвы содержит перепись Москвы, проведенная 31 января 1902 года. По данным этой переписи, в Москве и ее пригородах на 31 января 1902 г. насчитывалось 120 792 фабрично-заводских рабочих, в том числе 88 074 мужчин и 32 718 женщин. Из этого числа рабочих пришлые (то есть не являвшиеся уроженцами Москвы) составляли 112 003 человека, или 92,6% всех рабочих (мужчины — 82 056 человек, или 92,6%, женщины — 29 947 человек, или 91,5%)<sup>30</sup>. Значительная часть пришлых оседала в фабрично-заводской промышленности Москвы. На каждую тысячу мужчин самодельного<sup>31</sup> населения из числа пришлых рабочие фабрик и заводов составляли 163 человека, рабочие транспорта — 79, рабочие домовладения и трактирного промысла — 65, домашняя прислуга — 27 человек<sup>32</sup>.

А. В. Погожев, специально исследовавший вопрос о численности и составе рабочих России, насчитал в 1902 г. в Москве (без пригородов) 785 предприятий с числом рабочих от 6 человек и более. По его данным, на них работало 96 746 человек, из которых на пришлых приходилось 90,5%. На мелких предприятиях число пришлых составляло 90—91%, на крупнейших — 96,3%<sup>33</sup>. Значительно больший процент пришлых на крупнейших предприятиях (это были преимущественно текстильные фабрики) можно объяснить тем, что концентрация производства резко возросла в конце XIX — начале XX века. В тот же период происходила резкая дифференциация крестьянства, масса обезземеленных крестьян устремлялась в город, где и находила работу в большинстве случаев на крупных текстильных фабриках, которые побеждали в конкурентной борьбе и имели возможность расширять производство, принимая за мизерную плату неквалифицированных рабочих из числа прибывших на заработки в Москву крестьян.

Наибольшее число отходников среди промышленных рабочих Москвы давала Московская губерния. Отходничество из нее шло преимущественно в Москву. По данным сплошного подворного обследования Московской губернии в 1898—1900 гг., в Москву уходило 46% всех занимающихся промыслами, в Петербург — 2,4%, в другие губернии — 4,5, 5,5% — в своей губернии и 2,5% — не установлено, остальные занимались промыслами в своем уезде<sup>34</sup>. По неполным данным, в 1903—1904 гг. в Московской губернии было зарегистрировано 6892 человека,

<sup>29</sup> «Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.», стр. 184—185. Подсчет произведен автором.

<sup>30</sup> См. «Перепись Москвы 1902 г.». Ч. I. Население. Вып. 2. Население г. Москвы (без пригородов) по занятиям, вероисповеданию и родному языку. Безработные и увечные. М. 1906, стр. 8—10; Вып. 3. Население пригородов Москвы по занятиям, вероисповеданию и родному языку, с данными о безработных и увечных. Сведения о занятиях населения по участкам и отдельным пригородам. М. 1906, стр. 2—7.

<sup>31</sup> Под «самодельным населением» перепись подразумевала лиц, имевших какое-нибудь занятие, службу, заработок и т. п. и существовавших на доходы от этих занятий без помощи других лиц.

<sup>32</sup> «Главнейшие данные переписи г. Москвы 31 января 1902 г.». Вып. VI. Население Москвы по занятиям. М. 1907, стр. 34.

<sup>33</sup> А. В. Погожев. Указ. соч., стр. 95.

<sup>34</sup> «Московская губерния по местному обследованию 1898—1900 гг.», т. IV. Земледельческое хозяйство и промыслы крестьянского населения. Вып. 2. Промыслы. М. 1908, стр. 35, 37, 38.



отправившихся на заработки. Из них в Москве находилось 90—95%<sup>35</sup>. Второе место по числу ушедших на промышленные предприятия Москвы в процентном отношении занимала Калужская губерния — 20,1 тыс. (18%), третье — Рязанская (18,5 тыс., или 16,5%), четвертое — Тульская (16 тыс., или 14,3%), пятое — Смоленская (13,8 тыс., или 12,3%)<sup>36</sup>.

Москва больше других городов привлекала разорявшихся крестьян, которые устремлялись в город в поисках какой-нибудь работы, чтобы обеспечить себе пропитание и получить возможность оказывать помощь оставшимся в деревнях семьям. Москва занимала первое место в России по числу пришлых рабочих на ее промышленных предприятиях. Обработав данные переписи Москвы 1902 г., служащий Московской городской управы Б. Д. Никитин писал: «В Москву, как на рынок труда, идет на заработок рабочий со всех концов России, идет главным образом крестьянство, составляющее 76,4% всего пришлого населения Москвы... Особенности условия, в которых поставлен наш рабочий, в огромном большинстве случаев не порвавший еще окончательно связи с деревней, ставят его в положение не переселенца, перенесшего на новое место все свое достояние и свои привязанности и являющегося со всей семьей, чтобы захватить новую жизнь, а в положение «отхожего» рабочего, являющегося на эту ярмарку труда без семьи, которую он надеется поддержать заработками из столицы. Этим только можно объяснить... огромный перевес мужской части населения над женской, отсутствие жен у семейных лиц в Москве...»<sup>37</sup>.

Большой интерес представляют данные переписи 1902 г. о продолжительности проживания пришлых рабочих в Москве<sup>38</sup>.

	Всего	Родился в Москве	Пришлые, проживающие в Москве:						Итого
			менее года	1 год	2—5 лет	6—10 лет	11 лет и более	Неизвест. время	
Мужчин	88 074	6 018	9 273	5 587	18 779	15 369	32 648	400	82 056
Женщин	32 718	2 771	3 478	2 829	8 852	6 122	8 517	149	29 947
Обоего пола	120 792	8 789	12 751	8 416	27 631	21 491	41 165	549	112 003

Из таблицы следует, что более половины всех московских рабочих из числа пришлых (55%) проживали в Москве более 5 лет. Вместе с коренными москвичами они составляли более 71 тыс. человек, или около 64% всего числа московских рабочих. Естественно предположить, что чем дольше проживали в Москве пришлые из деревни рабочие, тем больше теряли связь с деревней, с землей, или такая связь исчезала совсем<sup>39</sup>. По данным обследования Московской губернии, в 1898—1900 гг. 66,2% всех ушедших на промыслы не возвращались в свои деревни круглый год<sup>40</sup>. Следовательно, они оседали по месту работы, то есть преимущественно в Москве. И те, кто обосновался в фабрично-заводской про-

<sup>35</sup> «Статистический ежегодник Московской губернии за 1904 г.». Отд. 2. М. 1905, стр. 21.

<sup>36</sup> «Перепись Москвы 1902 г.». Ч. I. Население. Вып. 2, стр. 16, 20, 24; вып. 3, стр. 16—21. Подсчет произведен по данным переписи.

<sup>37</sup> «Главнейшие данные переписи г. Москвы 31 января 1902 г.». Вып. VI. Население Москвы по занятиям, стр. 30—31.

<sup>38</sup> «Перепись Москвы 1902 г.». Ч. I. Население. Вып. 2, стр. 8—10; вып. 3, стр. 8—10. Таблица составлена автором.

<sup>39</sup> Предположение Л. М. Иванова о том, что значительная часть рабочих к концу XIX в. пополнялась за счет семей самих рабочих, является обоснованным (см. Л. М. Иванов. Указ. соч.).

<sup>40</sup> «Московская губерния по местному обследованию 1898—1900 гг.». Т. IV. Вып. 2, стр. 27—28.

мышленности, становились в полном смысле слова промышленными пролетариями, значительная часть которых являлась потомственными рабочими, то есть их отцы также были рабочими.

Вполне логично предположить также, что пришлые из деревень прежде всего находили работу на текстильных фабриках, ибо здесь не требовалось той квалификации, которая была необходима на металлообрабатывающих или полиграфических предприятиях. В 1899 г. П. М. Шестаков<sup>41</sup> произвел обследование быта и социального состава рабочих хлопчатобумажной фабрики «Эмиль Циндель». Обследованием было охвачено 1417 рабочих-мужчин (75% всех рабочих-мужчин фабрики). Из числа обследованных 94,2% были крестьяне, остальные — мещане и лица других сословий. Из крестьян 61,8% происходили из Рязанской губернии, 25,2% — из Тульской, 8,6% — из Московской, 8% — из Смоленской, 6,4% — из других губерний. 1213 рабочих имели земельный надел в деревне. Это составляло 85,6% всех обследованных на фабрике рабочих из крестьян. Остальные являлись безземельными. Из всех владельцев наделов у 79,3% было менее десятины земли, у 17,3% — от 1 до 2 десятин, у 3,4% — от 2 до 5 десятин. 22,7% из владевших наделами не имели скота, 37,2% были безлошадными, 24,8% не имели коров<sup>42</sup>.

Из приведенных данных можно сделать два вывода. Во-первых, в город уходила на заработки преимущественно разорившаяся часть крестьян, представлявшая по своему социально-экономическому положению полупролетариат, перед которым открывались два пути: или пополнять ряды городского пролетариата, или увеличивать армию сельского пролетариата, нанимаясь на работу к помещику или кулаку. Во-вторых, большинство поддерживавших связь с деревней именно в силу незначительной экономической прочности этой связи не уходило в свое хозяйство и продолжало оставаться на фабрике круглый год, превращаясь в подлинных пролетариев. Действительно, из обследованных рабочих из крестьян фабрики «Эмиль Циндель» лишь 12,6% уходило на полевые работы<sup>43</sup>.

В. И. Ленин в труде «Развитие капитализма в России» приводит данные о 20 тыс. рабочих Московской губернии конца 80-х — начала 90-х годов XIX века. Из всего числа фабричных рабочих, по его подсчетам, уходило на полевые работы 14,1%, а из всего числа рабочих крестьянского сословия — 15,4%. В. И. Ленин обращает при этом особое внимание на тот факт, что процент уходящих на полевые работы особенно велик на ручных фабриках и очень мал — на механических. Ткачей, ушедших на полевые работы с фабрик ручного труда, насчитывалось 63%, а из ткачей, работавших на самоткацких станках, не уходил никто. Отсюда В. И. Ленин делал вывод, что «именно механическое производство отрывает рабочих от земли»<sup>44</sup>.

Значительная часть остававшихся круглый год на фабриках рабочих была скована связью с деревней, с землей. Как правило, у большинства рабочих, связанных с землей, в деревне оставалась семья, которая обрабатывала землю своими силами. Так, у 77,9% рабочих фабрики «Эмиль Циндель», пришедших из деревни и имевших наделы, землю обрабатывали члены их семей, проживавшие в деревне. 14,3% таких рабо-

<sup>41</sup> Заведующий училищем при фабрике «Эмиль Циндель». В 1888 г. за обхождение с политически неблагонадежными лицами в Петербурге, а затем в Москве ему было запрещено проживать в обеих столицах и заниматься педагогической деятельностью. В 1891 г. эти ограничения были сняты, но он был подчинен негласному надзору полиции и состоял под таковым до 10 января 1904 года. В 1895 г. визитная карточка П. М. Шестакова была найдена при обыске у известного московского социал-демократа, впоследствии видного большевика, И. И. Скворцова-Степанова (ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 102 (1904 г.), д. 1311, л. 20; ф. 63, оп. 24 (1904 г.), д. 615, л. 2 и об.).

<sup>42</sup> П. М. Шестаков. Рабочие на мануфактуре т-ва «Эмиль Циндель» в Москве. М. 1900, стр. 19, 20, 26, 28, 31, 33.

<sup>43</sup> Там же, стр. 39.

<sup>44</sup> В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 537—539.



чих сдавали свои земли в аренду. И эта часть рабочих обычно быстрее порывала с землей, отказываясь в конце концов от своих наделов. И лишь 7,3% рабочих, располагавших, как правило, более значительными наделами, нанимали в помощь семье работников. 0,5% рабочих совсем порвали связь с землей<sup>45</sup>. Примерно такое же положение было на других текстильных фабриках Москвы.

Совсем иной была картина в полиграфической промышленности Москвы. По характеру производства здесь требовался, как известно, наиболее грамотный и культурный рабочий. Не случайно, по данным переписи 1902 г., 58% рабочих типографий и переплетных предприятий были или коренными москвичами, или родились в Московской губернии, и только 1/3 являлись уроженцами Рязанской, Тульской и Калужской губерний. 35% рабочих этой отрасли родились в городе. С землей было связано 46% рабочих-полиграфистов. Среди наиболее культурного слоя типографских рабочих-наборщиков 65% не имели никакой связи с деревней, и только у 24% рабочих имелись наделы в деревне. 16,4% рабочих полиграфической промышленности из крестьян были весьма слабо связаны с землей: имея в деревне дом или землю, или то и другое, хозяйства они не вели<sup>46</sup>.

Значительная разница в социально-экономическом положении рабочих-текстильщиков, с одной стороны, и рабочих-типографов — с другой, предопределялась профессиональным характером производства: если в текстильной промышленности свой труд мог применить вчерашний крестьянин от сохи, то в типографии он оставался лишь чернорабочим, ибо здесь нужны квалификация и мастерство, а также определенный образовательный минимум. Получить квалификацию токаря, литейщика, модельщика и т. п. на заводе или наборщика в типографии имел больше возможности потомственный рабочий, у которого отец работал на заводе или в типографии. Абсолютное большинство пришедших в Москву на фабрики и заводы из деревни не только оставались потом в составе фабрично-заводских рабочих, но и число уходивших временно на полевые работы было сравнительно незначительно. В. И. Ленин подчеркивал прогрессивное значение отходничества. «Отход в города,— писал он,— повышает гражданскую личность крестьянина, освобождая его от той бездны патриархальных и личных отношений зависимости и сословности, которые так сильны в деревнях... Отход в города ослабляет старую патриархальную семью, ставит женщину в более самостоятельное положение, равноправное с мужчиной»<sup>47</sup>.

Говоря о формировании московского пролетариата, нельзя не коснуться такого важного фактора, характеризующего качественное состояние пролетариата, как преемственность рабочих поколений. К сожалению, мы не располагаем данными за 90-е годы XIX в.— начало XX века. Несомненно, что процент потомственных рабочих в Москве был значительно выше, ибо сами условия большого города с развитой промышленностью способствовали здесь формированию постоянных кадров пролетариата. Значительно выше был процент потомственных рабочих среди металлистов Москвы, так как в отличие от них металлисты в губернии нередко жили в окрестных деревнях, имея свое хозяйство, земельный надел, что редко наблюдалось у рабочих московских металлообрабатывающих заводов. Об этом свидетельствует справка Комиссии по организации общеобразовательных чтений для рабочих в Москве, относящаяся к 1904 году. «В громадном большинстве случаев,— говорится в ней,— московские рабочие вышли из крестьян. Хотя значительная часть их со-

<sup>45</sup> См. П. М. Шестаков. Указ. соч., стр. 38.

<sup>53</sup> А. Свавицкий и В. Шер. Очерк положения рабочих печатного дела в Москве. СПб. 1909, стр. 8—9.

<sup>47</sup> В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 577—578.

храняет еще связь с землей, как свидетельствуют об этом их поездки в деревню, тем не менее эта связь все более слабеет под влиянием расширяющегося употребления в промышленности сложных машин, требующих специализации труда. Проведенное около 20 лет тому назад исследование в трех уездах Московской губернии сообщает, что из 18 576 опрошенных рабочих у 55% отцы также были рабочими. В настоящее время процент специализировавшихся рабочих, утративших связь с землей, несомненно еще значительно больше наблюдавшегося 20 лет тому назад. Таким образом сила обстоятельств создает специальный класс рабочих с его обособленными интересами, отличающимися его от других общественных групп»<sup>48</sup>.

Из приведенных данных явствует, что в конце XIX — начале XX в. московские рабочие в значительной своей массе представляли собой уже сложившийся чисто пролетарский класс, порвавший имущественные связи с деревней, с землей. Процесс формирования пролетариата дает определенное представление о его социальном составе и в известной мере определяет его качественное состояние. Это, в свою очередь, дает возможность выяснить объективную основу, потенциальные возможности и особенности революционного движения пролетариата тех или иных промышленных центров, а также роль социал-демократии в этом движении. Важным объективным фактором, определившим формирование классового самосознания пролетариата и возможность революционной социал-демократии руководить его революционным движением, является отраслевой состав московского пролетариата.

Старейшей, сложившейся еще до реформы 1861 г. и преобладающей отраслью московской промышленности было текстильное производство. Крупнейшие московские текстильные предприятия: Прохоровская Трехгорная мануфактура, ситценабивные фабрики А. Гюбнера и Э. Цинделя, шерстоткацкая фабрика И. Бутикова и другие в Москве; Богородско-Глуховская мануфактура и Истоминская мануфактура С. И. Шибалева в Богородском уезде, ситценабивная фабрика Н. Н. Коншина в Серпухове и многие другие были основаны еще в дореформенный период.

Удельный вес и тенденция развития отдельных отраслей промышленности в Москве и Московской губернии по числу занятых в ней рабочих (в процентах) видны из следующей таблицы<sup>49</sup>.

Годы	Текстильная промышленность		Металлообрабатывающая промышленность		Другие отрасли производства	
	г. Москва	Московская губ. (без Москвы)	г. Москва	Московская губ. (без Москвы)	г. Москва	Московская губ. (без Москвы)
1879	72,9	86,1	8,7	6,1	18,4	7,8
1884	61,6	82,7	6,3	3,5	32,1	13,8
1890	57,7	86,4	17,4	7,0	24,9	6,6
1895	57,5	87,5	15,1	6,8	27,4	5,7
1900	47,4	83,8	18,9	7,6	33,7	8,6

Эти данные свидетельствуют о том, что текстильная промышленность в Московской губернии резко преобладала над другими отрасля-

<sup>48</sup> ЦГАОР СССР, ф. 63, 1901 г., д. 1090, т. 5, л. 224 об.—225.

<sup>49</sup> Таблица составлена по: 1879 г.—П. А. Орлов. Указ. соч.; 1884 г.—его же. Указатель фабрик и заводов Европейской России и царства Польского, Изд. 2-е. СПб. 1887; 1890 г.—П. А. Орлов и С. Г. Будагов. Указатель фабрик и заводов Европейской России. СПб. 1894; 1895 г.—«Перечень фабрик и заводов». СПб. 1897; 1900 г.—«Список фабрик и заводов Европейской России». СПб. 1903.

ми производства; в этом и состояла одна из особенностей данного района. Вместе с тем налицо заметная тенденция роста металлообрабатывающей и ряда других отраслей производства (преимущественно пищевкусовой) в Москве и в меньшей степени в губернии за счет некоторого сокращения удельного веса текстильной промышленности. Однако эта тенденция не нарушала преобладания текстильной промышленности: Москва оставалась по-прежнему «ситцевой».

Преобладание текстильщиков над металлистами отражалось на характере рабочего движения в период первой русской революции и определяло особенности этого движения. Анализируя стачечное движение в те годы, В. И. Ленин указал на закономерность, свидетельствующую о том, что металлисты являлись наиболее классово сознательным слоем пролетариата, его авангардом, они первыми поднялись на политическую борьбу с царизмом. «Из всех месяцев 1905 года,— писал В. И. Ленин,— у металлистов максимум стачечников приходится не на октябрь, как во всех остальных группах производств, а на январь. Авангард с максимальной энергией начал движение, «раскачивая» остальную массу»<sup>50</sup>. Текстильщики, по своему составу и по характеру производства тесно связанные с деревней, с землей, в первые месяцы 1905 г. проявляли определенную пассивность в борьбе. «Они,— отмечал В. И. Ленин,— втягиваются в борьбу позже, чем металлисты...»<sup>51</sup>. Этой закономерностью можно объяснить, почему московский пролетариат, где преобладали текстильщики, проявил свою революционную энергию лишь осенью 1905 г., выйдя тогда в авангард революционного движения в стране: московские рабочие начали Всероссийскую октябрьскую политическую стачку и первыми поднялись на вооруженное восстание. «Отношение между металлистами и текстильщиками,— писал В. И. Ленин,— характерно, как отношение передового слоя к широкой массе»<sup>52</sup>. Потребовалась колоссальная революционная энергия металлистов Петербурга и других промышленных центров, проявленная в начале революции, огромная политическая и организаторская работа большевиков, чтобы расшевелить широкую массу текстильщиков и поднять ее на революционную борьбу с царизмом. Таково принципиальное значение необходимости изучения отраслевого состава рабочего класса для уяснения степени участия отдельных его слоев в революции на отдельных этапах ее развития.

Необходимо подчеркнуть, что в текстильной промышленности была наибольшая концентрация пролетариата. На предприятиях с числом рабочих более 500 в текстильной промышленности Московской губернии (с Москвой) в 1900—1902 гг. было сконцентрировано почти 70% всех рабочих этой отрасли, а без Москвы — более 75%<sup>53</sup>. Ее преобладание в Москве и особенно в Московской губернии обусловило высокую концентрацию московского пролетариата в целом накануне и в период первой русской революции.

Концентрация пролетариата Московской губернии значительно превышала соответствующие показатели Европейской России. Еще в 1895 г. на одно предприятие с числом рабочих более 100 человек в России в целом приходилось 447 человек, в Московской губернии вместе с Москвой — 504 человека, а без Москвы — 774 человека<sup>54</sup>. В 1900—1902 гг. в Европейской России на предприятиях с числом рабочих свыше 500 человек было сосредоточено 50,2% всего фабрично-заводского пролетариата, в то время как в Московской губернии вместе с Москвой — 59,2%,

<sup>50</sup> В. И. Ленин. ПСС. Т. 19, стр. 387.

<sup>51</sup> Там же, стр. 388.

<sup>52</sup> Там же.

<sup>53</sup> Подсчитано по «Списку фабрик и заводов Европейской России». СПб. 1903.

<sup>54</sup> Об общероссийском показателе см. В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 16; показатели по Московской губ. подсчитаны по «Перечню фабрик и заводов». СПб. 1897.



а без Москвы — 70,4%<sup>55</sup>. Чрезвычайно высокая концентрация пролетариата в Московской губернии была другой особенностью этого района. Несколько ниже была концентрация пролетариата в Москве, где значительный удельный вес составляли рабочие, занятые на средних предприятиях с числом рабочих от 101 до 500 человек. Вместе с тем имелось много мелких предприятий с числом рабочих до 100 человек, составлявших в 1900—1902 гг. в Москве 73%, а в губернии 58,4%, на которых было занято соответственно 20,3% и 7,9% всех рабочих<sup>56</sup>.

Итоговые данные о концентрации московского пролетариата за 1900—1902 гг. представлены в таблице<sup>57</sup>.

Группы предприятий по числу рабочих на них	г. Москва (с пригородами)				Московская губ. (без Москвы)				Московская губ. (с Москвой)			
	число предприятий		кол-во рабочих		число предприятий		кол-во рабочих		число предприятий		кол-во рабочих	
	в %	в %	в %	в %	в %	в %	в %	в %	в %	в %		
До 50 чел.	433	50,7	10 441	9,5	206	40,2	5 180	3,4	639	46,6	15 621	5,7
От 51 до 100 чел.	192	22,3	14 114	10,8	94	18,3	6 943	4,5	286	20,9	21 057	7,7
От 101 до 500 чел.	180	21,0	41 959	34,7	155	30,1	33 105	21,7	335	24,4	75 064	27,4
От 501 до 1 000 чел.	36	4,2	24 484	20,3	28	5,4	20 419	13,4	64	4,7	44 903	16,4
Свыше 1 000 чел.	15	1,8	29 938	24,7	31	6,0	87 088	57,0	46	3,4	117 026	42,8
	856	100 %	120 936	100 %	514	100 %	152 735	100 %	1 370	100 %	273 671	100 %

Мелкие и крупные предприятия В. И. Ленин характеризовал как существенно различные социальные типы, отражавшие такое явление, как концентрация производства, и вытекающие из него последствия социально-политического характера. Он отмечал, что статистика, не различающая мелких и крупных предприятий, «решительно никуда не годится»<sup>58</sup>. В. И. Ленин заострял внимание на этом различии в отношении промышленности и пролетариата Московской губернии, где, отмечал он, «наряду с громадной концентрацией производства, мы видим сравнительно очень большое число мелких заведений»<sup>59</sup>.

Особенность промышленности данного района состояла также в том, что почти все ее крупные предприятия были размещены в сельской местности. Это были преимущественно текстильные фабрики. В 1900—1902 гг. из 58 крупных фабрик и заводов Московской губернии (без Москвы) с числом рабочих более 500 лишь 6 находились в городах Серпухове, Богородске и Коломне. Остальные 52 крупных предприятия, на которых насчитывалось 98 624 рабочих, или около 65% всех рабочих губернии<sup>60</sup>, были размещены в селах, деревнях, слободах, при станциях железных дорог. Крупнейшие предприятия с числом рабочих свыше 1000 были размещены в Московском уезде в селах Измайлово, Реутово, Ни-

<sup>55</sup> Подсчет произведен по «Списку фабрик и заводов Европейской России». СПб. 1903.

<sup>56</sup> Подсчитано по тому же источнику.

<sup>57</sup> Таблица составлена по тому же источнику.

<sup>58</sup> В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 33.

<sup>59</sup> Там же, стр. 32—33.

<sup>60</sup> Подсчитано по «Списку фабрик и заводов Европейской России». СПб. 1903.

кольское, Пушкино, Знаменское, Пирогово, Б. Мытищи, в Богородском уезде — в селах Глухово, Соболево, Истомино, Старая Купавна, поселках Дрезна и Павловский посад; в Коломенском уезде — в селах Боброво, Озеры и местечке Садки; в Серпуховском уезде — в селе Глазечно и дер. Скрылья; в Дмитровском уезде — в селе Муромцево и дер. Суровцево; в Клинском уезде — в селе Спас-Каркодин и дер. Некрасино; в Бронницком уезде — в селе Раменское; в Верейском уезде — в селе Наро-Фоминское; в Подольском уезде — в селе Юсупово. В селе Глухово находилась самая крупная текстильная фабрика Московской губернии — Богородско-Глуховская мануфактура (9257 рабочих). В селе Боброво при станции Голутвино, в окрестностях Коломны, разместился крупнейший в губернии машиностроительный завод (7100 рабочих).

Исторически такое явление объяснялось тем, что бурное развитие промышленности в дореформенный период нуждалось в рабочей силе. Круговая порука в сельской общине нередко препятствовала свободному уходу разорившихся крестьян в город. Тогда предприниматели в погоне за дешевой рабочей силой стали строить фабрики в деревнях. «Мужика не пускают на фабрику,— писал В. И. Ленин,— фабрика идет к мужику»<sup>61</sup>. Это накладывало определенный отпечаток на социальный состав пролетариата Московской губернии. Часть сельского мужского населения уходила на фабрики в Москву, а остальные мужчины и подавляющая часть женщин находили работу на окрестных фабриках, не оставляя при этом своих крестьянских хозяйств. Этим объясняется большой удельный вес женщин на фабриках: в 1895 г. женщины в Москве составляли 31,4% всех рабочих текстильной промышленности, а в губернии (без Москвы) — 41%<sup>62</sup>.

Территориально промышленность Московской губернии была размещена крайне неравномерно и концентрировалась в основном в 4 уездах из 13: Богородском, Коломенском, Серпуховском и Московском. В этих уездах в 90-х годах XIX в. было размещено около 60% всех предприятий, на которых было занято около 70% всех рабочих губернии (без Москвы и ее пригородов)<sup>63</sup>. Эту особенность отмечал в свое время В. И. Ленин<sup>64</sup>. После промышленного бума 90-х годов XIX в. наступил кризис 1900—1903 годов. За годы кризиса в России было закрыто свыше 3 тыс. промышленных предприятий и выброшено на улицу 112 тыс. рабочих. В Москве и губернии в эти годы закрылось 301 предприятие с общим числом рабочих 15 225 человек. Следовательно, на Московскую губернию приходилось около 14% всех уволенных в кризисные годы рабочих России<sup>65</sup>. Кризис способствовал росту концентрации пролетариата. Если в 1895 г. на крупных предприятиях Москвы было сконцентрировано 33,6% всех рабочих, то в 1902 г. этот показатель составил 45%<sup>66</sup>.

Бурное развитие промышленного производства в пореформенный период неразрывно связано с процессом формирования пролетариата. Развивающиеся капиталистические отношения в деревне приводили к резкой дифференциации крестьянства, к разорению его беднейшей части, которая пополняла ряды промышленного пролетариата. В Московской губернии, являвшейся одним из старейших промышленно развитых районов страны, этот процесс проходил особенно рельефно. Накануне первой русской революции в Москве и губернии по меньшей мере на  $\frac{9}{10}$  уже сформировались постоянные кадры промышленного пролетариата, порвавшего имущественные связи с деревней и с землей. В преобладавшей

<sup>61</sup> В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 524.

<sup>62</sup> Подсчет произведен по «Перечню фабрик и заводов». СПб. 1897.

<sup>63</sup> По тому же источнику.

<sup>64</sup> См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 518.

<sup>65</sup> Подсчитано по «Сводам отчетов фабричных инспекторов» за 1900—1903 гг.

<sup>66</sup> Подсчитано по «Перечню фабрик и заводов» (СПб. 1897) и «Списку фабрик и заводов Европейской России» (СПб. 1903).

в Московской губернии текстильной промышленности было занято более половины всех рабочих, среди которых была наиболее значительной связь с землей.

Это качество московского пролетариата создавало объективные факторы, определявшие некоторое отставание в формировании его классового самосознания в первые месяцы революции, а также особенности его участия в революционном движении. С другой стороны, связь с деревней определенного слоя московского пролетариата обуславливала его влияние на крестьянство, облегчала складывание основ союза рабочего класса с крестьянством в борьбе с царизмом и буржуазно-помещичьей эксплуатацией. Даже в 1917 г. В. И. Ленин отмечал, что «у московского пролетариата несравненно больше связей с деревней, деревенских симпатий, близости к деревенским крестьянским настроениям, это факт, много раз подтвержденный и неоспоримый»<sup>67</sup>. Вместе с тем степень концентрации московского пролетариата была одной из самых высоких в стране. Этот объективный фактор способствовал на определенном этапе развития революции массовому революционному выступлению московских рабочих.

Деятельность Московской партийной организации была сопряжена с большими трудностями объективного характера, связанными, в частности, с особенностями состава московского пролетариата. Местным большевикам пришлось вести работу среди пролетариев, сконцентрированных на крупнейших промышленных предприятиях, но в основной массе занятых в текстильной промышленности. Для их пробуждения к активной и сознательной политической борьбе требовалась сильная и сплоченная революционная марксистская организация. Над созданием такой организации в Москве с 90-х годов XIX в. трудились в невероятно трудных условиях подполья и зубатовской провокации лучшие представители прогрессивной интеллигенции и рабочего класса, неocenимую помощь которым оказывал В. И. Ленин.

В годы первой русской революции Московская организация большевиков была наиболее сильной и влиятельной среди рабочих, а Московскому комитету РСДРП В. И. Ленин в конце лета 1905 г. дал оценку как одному «из образцовых комитетов нашей партии»<sup>68</sup>. Несмотря на отмеченные трудности объективного характера, местной партийной организации удалось осенью 1905 г. вывести пролетариат Москвы в авангард революционного движения в стране.

<sup>67</sup> В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 278.

<sup>68</sup> «Революция 1905—1907 гг.». Документы и материалы. Революционное движение в России весной и летом 1905 года. Апрель — сентябрь. Ч. I. М. 1957, стр. 366.